

О ДНЕРНИКАХ ТРОИХ ЛЮДЕЙ

«...Бывает, теряешь что-то важное под вечер,
а первая ночь после потери настолько мучительна,
что от собственных мыслей уже не получается сбежать.
А наутро все требуют от тебя чего-то поистине обычного.»

Елизавета Кречетова

О дневниках троих людей

<https://litres.ru/73160978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами отрывки из трех дневников, написанных разными, неизвестными друг с другом людьми: пациентом психдиспансера, обреченной взрослой женщиной и подростком из неблагополучной семьи. Почему именно они? Что связывает людей, никогда не встречавшихся, но поразительно схожих в своих переживаниях? Все они борются за собственное счастье, неосознанно познают себя, рефлексиируют, чтобы прийти к итогу, каждый к своему.

Елизавета Кречетова

О дневниках троих людей

*«Бедные люди» – пример тавтологии,
Кем это сказано? Может быть, мной.
Георгий Иванов*

Диспансер

(из воспоминаний Юрия П.)

...Мне был двадцать один год, когда это случилось: суровой северной зимой, шесть лет назад, я попал в психиатрическую клинику с диагнозом «тревожное расстройство». Впрочем, это расстройство ни у кого не вызывало вопросов до страшного приступа, когда в потоке мыслей у меня произошла неудачная попытка самоубийства. Поэтому с того момента в медицинской карте Юрия П. (то есть меня) красовался ещё один неприятный аспект. Мать, узнавшая об этом, настояла на лечении против моей воли. Ходили слухи, что в Воркутинском ПНД, как и в других подобных местах, не лечили, а консервировали человеческие души. На это указывали некоторые вещи: там находились люди разных возрастов, но они не были никак распределены, да и лежали многие по несколько лет, будто застрявшие в замкнутом круге болезни

и выздоровления. Диспансер для многих стал и домом престарелых, и детским приютом, и местом особого назначения, упомянутого ранее. Здесь все управлялось как карта ляжет, напомидало игру в шахматы двух незрячих и глухонемых, где нет ни шаха, ни мата, ни правил. И даже при всём желании играющих партия будет бесконечна, ведь соперники никогда друг о друге не узнают. Никто никогда не сходит пешкой, ни одна фигура не будет убрана с доски, ведь выхода из этой давящей тишины ещё не придумали.

Сам Воркутинский ПНД существовал до моего прибытия около сорока лет. За годы здание состарилось и приобрело настолько болезненный вид, что соответствовало своему наполнению. После распада Союза и падения металлургических заводов люди начали уезжать, по этой причине таким был каждый второй дом. Зимы в диспансере переносились тяжело несмотря на то, что уже к началу сентября выдавали всё самое утеплённое, отопление хромало, а до середины осени его вообще не было. Морозы мучали до судорог.

Воспоминания 23 декабря:

Помню, к нам привезли молодую девушку лет семнадцати, в агонии или около того. Цвет лица был тошнотворный, глаза неживые, как чёрные бильярдные шары. Она прибыла на восьмом месяце беременности. Тот день мне до сих пор хорошо помнится. Оставалось совсем немного времени до отбоя. Я калякал ручкой в блокноте, который служил мне

дневником. Из головы на бумагу лезло всё подряд, однако оно так и должно было быть. Выплеснуть мысли в творчество – один из самых простых способов предотвратить панику. Знал бы я в тот момент, что мою увеселительную терапию приостановят! Через открытую дверь палаты показались двое крепких мужчин, которые волокли за собой девушку в обморочном состоянии так бесшумно, как только могли. Честное слово, я тогда подумал, что это был труп. Зрелище засело в голове на ближайшие два дня и так настойчиво не вылезало, бессонница была настолько мучительной, что не помогали уже никакие каракули в блокноте. А если и удавалось заснуть, то образ хрупких босых ног сразу нарушал спокойствие.

Воспоминания 26 декабря:

Как же я был рад, что она ещё жива: кошмары о безжизненном теле закончились, а сны стали ясными. Через пару дней до меня дошла информация об её имени, складном и необычном. В нём сливался неочевидный консонанс всех наиболее мелодичных звуков, имя почему-то оставалось и вертелось в голове. Сравнимо с чувством, когда высовываешь язык на воздух, даёшь ему подсохнуть, а потом уже сухой участок возвращаешь в рот, ощущая некий след на языке и удовлетворение. Думаю, эту мою мысль поймет только тот, кто хоть раз испытывал подобное. Девушку звали Боженой. Я увидел её чуть позже, днём. Впрочем, трудно было

не заметить драм в столовой и коридорах, ещё труднее было заснуть в ту ночь под застывший в стенах крик. При любом удобном случае Божена падала на колени, тёмные длинные локоны рассыпались на старый кафель. Дальше как по сценарию: слезы, мольба о помощи и эта необыкновенная горячая дрожь. Её поселили в женскую палату, находившуюся совсем близко, рядом с моей. Она была тяжело душевнобольной, чем конкретно, не было известно. О её диагнозе оставалось только догадываться, по рассказам соседей, это было что-то похожее на посттравматическое расстройство личности. Мне казалось, о ней говорили все, все до единого, все кричали и шептались только о босых ногах, хрупких пальцах и стеклянных глазах.

Воспоминания 27—30 декабря:

Не могла, к сожалению, эта история пройти мимо, не коснуться меня напрямую. А она не просто коснулась, она проткнула меня металлическим штырем, прямо в спину. Я проснулся однажды посреди ночи, а Божена сидела на полу, рядом, в ногах, упираясь заострённым к небу носиком прямо мне в ладонь, и параллельно тепло дышала. Зрелище было бы на редкость страшное, если бы она не была такой красивой и навязчиво-знакомой, случилось дежавю. В двух словах это было объяснить крайне трудно. Ограничусь фразой о том, что если тело – храм души, то тело Божены при таком раскладе – готический чешский собор в Праге. Она

была неописуемо изящна, худощава, с тонкими пальцами и ногтями, будто заточенными грифелями карандашей. Наши встречи были редкими, неожиданными и непредсказуемыми. Божена была духом, вещью, от одного взгляда на которую дрожали руки и появлялись записи в блокноте. Она не знала ни моего имени, ни лица, только впивалась в руку, в крошечной темноте, а я всё сильнее старался притвориться спящим. Лежал, боясь даже пошевелиться, ведь скорее умер бы, чем двинулся. Она, в свою очередь, пустила ядовито-горячие капельки слёз, а через пару минут приподняла голову. Я же краем глаза пытался что-то разглядеть. Божена рыдала очень тихо, как мышка. Слезы топили её глубоко заледеневшие глаза-озёра, и лицо расплывалось в детской, невинной эмоции, такой меланхоличной и жалостливой, будто кто-то её ужасающим образом обидел. В моей голове на миг промелькнула мысль: «Не ищет ли она во мне кого-то?». «Сегодня ночью видел новенькую у моей кровати (ту, что с возможным ПТСР). Что-то в ней есть тянущее, глубокое, тяжелое...» — написал я под утро в блокноте для терапии. Записи регулярно проверялись, но конкретно эта означала какое-никакое улучшение моего душевного состояния и наступление покоя, ведь была далеко не самой ужасной вещью, записанной или нарисованной в блокноте за время терапии. Мой сон в тот день был крепким и мёртвым, я не помнил в какой момент полуночная гостья ушла. Опомнился только под утро, усердно собирая по кусочкам целостную картину

произошедшего.

Воспоминания 31 декабря:

Ночные встречи продолжались. До поры до времени Божена хранила верное молчание, пока в одну такую ночь, под Новый год, не начала говорить со мной. Её речь была нетороплива, томна, с редкими всхлипами. Нежные звуки как будто не доносились ни до кого, кроме меня, в палате все спали за смертью. По правилам Новый год и Рождество в диспансере не отмечали, на трезвом посту были все, про праздник никто и не заикался. Новогодние ночи были тихими, наполненными идиллическим молчанием. Однако идиллия жила недолго, тишина обрывалась вмиг, с грохотом фейерверков, от которых руки тревожников плясали в треморе. Диалог начался со странного заявления Божены:

– Ты только не злись? Хорошо? Я буду тебе дочерью всегда, ты пойми это – её бормотание слабо походило на обычную человеческую речь. Выделить что-то членораздельное было крайне трудно. Каждое слово приходилось фильтровать, а она все продолжала:

– Я рожу, я обязательно рожу, ты только подожди, я выйду, месяц полежу... Ах...

На мгновение дыхание в лёгких затвердело, начали стрелять небесные цветы. Божена обратила взгляд к окну и встала. Я стал корчиться в судороге так сильно, что пришлось схватить её тонкую руку. Через мои стиснутые зубы

вышел еле видный горячий клубок пара вместе с шёпотом:

– Послушай, я ничего не понимаю. Я Юра, всего-то пациент-тревожник, мы не знакомы, Божена, не знакомы, – продолжал тараторить я, корчась от судороги и боли в районе сердца.

– Откуда моё имя тогда знаешь? – Она выпучила стеклянные глаза и приблизилась к моему лицу. Пришлось ещё больше зажмуриться и отдалиться. От Божены пахло холодом и старым тряпьем.

– Мне о тебе говорили. Почему за тобой нормально не следят? Зачем я тебе? У твоего ребенка есть отец, ты разве не должна быть ему верной? – Я продолжал свой монолог, как длинную скороговорку.

– Отца... моего ребенка здесь нет, и никогда не будет. А он не только её отец, мой тоже, в каком-то смысле, – Божена опустила чёрный затылок к животу, как бы заменяя горький словесный барьер между нами этим простым жестом.

Вмиг я всё понял, руки начали колебаться сильнее, ногти ещё больше впились в её хрупкую ладонь. Всё действительно было понятно без слов, перед глазами бесились мысли. Одна об изнасиловании, вторая об отчине, третья о ребёнке и родах. Идеи сплелись в клубок, плотный, бесконечный. Я поднял взгляд с нашего сплетения рук прямо на Божиену. Она выглядела жалко, встревоженно, бедно. Из мрачной девушки вмиг наружу вылез ребёнок, невинный ребёнок, молящий о любви. Она, казалось, была каждой обиженной женщиной,

каждым плачущим младенцем, каждой скорбящей матерью. Я расцепил руки, приподнял и прижал её, сидящую на полу перед моей койкой, к себе. Она хныкала мне в ключицу так, что на одежде остался мокрый отпечаток слёз. Я слышал дыхание у своего плеча, такое прерывистое и ноющее. Тело успокоилось, тремор спал. Клянусь, в тот момент я был самым счастливым человеком, весь мой смысл жизни (выйти из диспансера) рухнул, новый – тут же взмыл к небу. Новым смыслом оказалась цель, при которой я был бы обязан выйти с ней в один день и не допустить расставания любой ценой. Левую часть грудной клетки защекотал трепет. Я тут же робко, шепотом, спросил:

– Почему я счастлив? Божена, скажи, почему я счастлив? Это ведь неприлично – быть счастливым в такие моменты?

В ответ Божена только помялась и обернулась, словно осознала, что не должна быть здесь. Это молчание путало мою душу, давило на пульсирующие виски.

– До встречи, Юра...

Я быстро забыл о колкой, пронзающей сердечной боли. Тысячи развилок, тысячи жизней и моментов достигли кульминации, сюжетные линии слились в одну. А самое страшное было в том, что я, холодный, с плачущей девушкой на плече, больной, встревоженный, был в то мгновение как никогда любим и счастлив. И любим, надо сказать, словно не по-женски, Божена не была женщиной в привычном понимании этого слова, нет, я верил, что она была для меня чем-

то свыше, посланным в ноги для наступления важнейшего жизненного этапа. Вскоре всё вернулось на свои места, Божена отстала от моей тушки и тихо ушла, я покорно отпустил её, и наступил очередной сон.

Вообще, сны мне снились часто. А из-за обострения расстройства стали посещать каждую ночь. Тогда мне снилось детство. Мне виделась мать, беременная сестрёнкой, её запах, пыль, летающая при свете люстры в нашей старой съёмной квартирке. Интерьер впечатался в память вплоть до мелочей: коробки с игрушками, уже заготовленная деревянная колыбель, диван в тигровой расцветке, пожелтевшие обои и парадный вход в комнату, двери в которой раздвигались, как ворота. Всё вокруг было ласковым, неспешным. Мать поглаживала живот и что-то шептала, а я как бездомная собачка сидел в её ногах и пытался вслушаться. В моей маленькой ручке томился хрустальный птенчик, фигурка, привезённая отцом из командировки. Птица была словно резной, только по стеклу, с синеватым отливом в оттенке. Резкая вспышка. Умиротворение развеялось, в мою детскую ностальгию ворвались **они**. Стая, стая псов. Каждый был чёрным, огромным, ужасающе неподходящим к обстановке, а это пугало больше всего. Что-то в псах было исключительно человеческим, будто бы они несли в себе зеркала чужих самых ужасных жизней. Забежало двадцать две пары лап, и все кольцом окружили мать, я же остался задавленным на холодном полу, прижимал собственного птенца к себе, как осколок разу-

ма. Помню, как мама громко кричала, вопрошая: «Юра, ну есть в тебе хоть капля человечности?». В детстве, да и потом тоже, я не понимал смысл этой фразы, не из-за вычурного слова, а из-за личного мнения.

«Что такое человечность? Не проще ли сказать "доброта" или "милосердие"?» – писал я, уже будучи взрослым, в диспансере. Как мне всегда казалось, человечность в общепринятом понимании этого слова неверна, она никогда не была для меня проявлением гуманизма:

«Человечность – умение быть как самым ужасающим существом, так и самым возвышенным. Человечность – умение балансировать между пороком и благом, быть как сущей нечистью, так и вселенским благодетелем».

Возвращаясь к продолжению сна, скажу, что я не верующий, скорее, агностик, считаю и считал, что существование Бога невозможно ощутить или доказать, будучи *живым* человеком. Но так ли было это тогда, в моём кошмаре? Когда из матери буквально вылезло нечто, его совершенно нельзя было объяснить, но только внутри появилось понимание: «Да вот же он, Бог». Её рот искривился в неестественной форме, лучи светили через поры, озаряя всю комнату. Этот свет, как и всё остальное, я описать никак не мог, и не могу до сих пор, в памяти есть некоторые проплешины, но с уверенностью заявляю, что это далеко за гранью вообще какого-либо понимания. Оставшаяся от мамы оболочка вяло упала на диван. А меня на долю секунды настигло «ничего»,

то самое «ни-че-го». «Ничего» достигает каждый. «Ничего» сложно себе вообразить, оно только ожидает, где-то там, где-то через годы, в любой понедельник, в любую пятницу, в любой день и в любое мгновение оно кого-то да настигает нас всех. Над значением вышеперечисленного я долго думал, но полностью был уверен, что моя жизнь уже близка к так называемому *новому этапу*.

Воспоминания 1 января:

Наутро я помнил всё, всё, что снилось, и всё, что было до этого. Наступило уже почти двенадцать часов. Тот день пах, выглядел, слышался по-весеннему, воздух был влажный, а небо – водянистой текстуры. Через открытую настежь форточку это ощущалось особенно ясно. Будто пьянящий ветер сдирает кожу, оголяя душу, которая только рада была впитывать в себя больше любви, чем обычно. Я как никогда был счастлив, по-настоящему счастлив, а ведь ещё день назад мне казалось, что счастье в этих четырёх стенах невозможно. Тогда же *смысл* во мне расцвёл, более того, он пустил корни. В палате всё вертелось, проверялся пульс, щёлкали таблетницы, скрипели зубные щётки. Каждое существо в мире двигалось вперёд и журчало. Вопреки правилу о трезвом уме (приведённом ранее), многие были в похмелье. Воспоминания иглами вонзились в голову. Я вспомнил всё: Божену, весь наш разговор по кусочкам. Пока вспоминал, все соседи по палате успели на меня презренно, но с абсолют-

ным пониманием посмотреть. Я тут же подскочил, хорошо это помню. Оставил тяжелый свитер на кровати и в одних шортах и растянутой футболке, босой, выбежал в полный окон коридор, пропуская через себя лучи зимней надежды, кутался в них, отдаваясь им полностью и без остатка. Вся буря эмоций вихрилась исключительно внутри меня, показывать веселье на людях было опасно, если, конечно, не хотелось получить двойную дозу препаратов. Сквозь выдуманные мною световые полосы просвечивали остатки внешнего мира: чёрные локоны и глаза, утренний разомлевший вид, вены на запястьях, ночнушка, спадающая с плеч, и тлеющая самокрутка с чёрным чаем. И снова на языке начал вертеться отчетливый звук, который начинал произношение её имени. Портрет будто рисовался акварелью прямо на моих глазах. Божена даже курила *красиво*. Чайные самокрутки были единственным спасением для курильщиков диспансера, ведь за сигареты пациенты мыли полы или других менее вменяемых пациентов. Поэтому особо зависимые потрошили чайные пакетики, заворачивали содержимое в тетрадную бумагу и поджигали, наслаждаясь единственным выходом из ситуации. Я вглядывался в Божиену по-родному, как близкий друг, как вернувшийся из дальнего плавания капитан. Только вот в ответ получил выпученные, как под лупой, глаза, недоверчивый взгляд, недоумение, стыд и страх. Она меня не помнила. В мыслях звенело: «Как же так? Почему? Только вчера ночью жалась к моим рукам, плакала, а наутро не

помнит?» Тогда и пришло осознание, что я ничем бы и не смог помочь хотя бы потому, что она ничего не помнила, а из-за отклонений психики не узнавала даже лица. Прошло одно только мгновение. Солнечные полосы пропали, окна потускнели и запылились, небо затянулось тучами, моё тело начало охлаждаться, а в глазах защищало от неистовой обиды. Нужно было поскорее убираться, выглядела вся картина жалко, я стоял как вкопанный и смотрел на несуразный перекур, осознавая, как же нелепа наша связь с Боженой. Ноги сами в какой-то момент попятились назад от её скорченной, испуганной физиономии на худом лице. В палату меня принесло сквозняком. В затмевающем разум смятении я упал обратно в койку и накрылся тяжёлым одеялом, создавая иллюзию темноты. «Не может быть такого, она придёт, явится сегодня же ночью, прибежит как миленькая!»— восклицал я в собственной голове настолько убедительно, что руки снова начали дрожать. Я просил мысли пощадить меня, но они не щадили, делали только хуже, пчелиным роем жужжа в голове вместе с криками бедной Божены в коридоре. Её снова поймали за курением, она даже не сопротивлялась, наоборот, показательно курила в форточку, пока её не схватили. Бедная моя, как же жестоко с ней обошлись. Божену действительно ни капли не жалели, хватали за запястья и силой по полу волокли в палату, как неодушевлённый предмет, как будто собственного имени она не удостоилась, такого прекрасного и звонкого имени. Но я был счастлив, знал,

что придёт, что сбежит, что найдёт меня этой ночью, этой как никогда весенне-зимней ночью. Я совсем не заметил, как снова лёг спать крепким и добрым сном, проспал до вечера, пропустив общее обследование и ужин.

Ожидания по поводу ночи действительно оправдались. Меня разбудили прикосновения, Божена пришла, как я и предугадал ранее. Открывать глаза не спешил, решил подождать, пока не пойму её настрой, её самочувствие. Резко двинуться было бы опрометчиво.

Божена тоже не спешила действовать, изучала мои дрожащие руки, что-то шептала и шипела. Было поистине невыносимо, повисла самая ужасная тишина, когда оба зачем-то вернулись, но сами же забыли зачем. Безусловно, первый шаг был сделан, и она знала, почему я тогда не спал. Веки с опаской и осторожностью открылись. Никакой новой картины перед глазами не возникло, Божена осталась той же: такой напуганной, требующей нежности будущей матерью, только в тот момент на её губах застыло невыносимое желание говорить и кричать. «И пусть, и пусть она расскажет!» – внешне подумал я:

– Расскажи мне, расскажи всё, что знаешь, всё, что есть.
– Шёпот в этот раз вышел поистине ласковым и снисходительным.

Впервые я увидел проблески разума в тёмном хрустале, заметил это любопытство в её глазах. Она не плакала, скорее, гордо держалась, как перед почтенным гостем. А даль-

ше и началось моё проникновение её душевными тайнами. Божена неторопливо начала рассказ:

– Меня практически не растил отец, а когда исполнилось семь лет – ушёл. Потом я пошла в школу... Отучилась до седьмого класса и совершила ужасный поступок. Через месяц мама умерла, и меня отчим увёз в Воркуту. Пару лет такой жизни, и вот я тут... Перед тобой сижу, такая глупая, недоразвитая и больная, так ещё и беременная.

Речь Божены резала слух, слова были еле слышны, так ещё и произносились с паузами порой в несколько секунд, её рассказ, безусловно, утомлял, но что-то неизвестное захватывало моё внимание и заставляло слушать дальше. Я подтолкнул этот неспешный локомотив предложений своим вопросом:

– И что же такого страшного ты сделала? Я уверен, что всё исправимо, только скажи, я пойму, говори точнее... Не могу ждать.

Божена сгибает руку и показывает мне ладонь. Этот жест немного остановил меня. Было ясно, что она не привыкла спешить:

– Я сдала, сдала его, я тогда ещё верила, что всё может хорошо кончиться, но я напрасно верила... Он меня по три раза на неделе мучил, а я, глупая, надеялась, что вот... Приду к учительнице, доложу о том, что творится дома, и всё мигом разрешится, что его от меня заберут, что я настоящего отца найду, что здорова буду. А он взял «уладил» что-то и увёз меня тринадцатилетнюю с собой, подальше в эту глушь.

И вот уже четыре года так живу, а вот восемь месяцев назад. Он... Совсем меня *своей* сделал, говорить об этом запретил, вот я и сидела под замком до того, как совсем не вымоталась, и сюда не завезли.

Тут уже я окончательно понял всё несчастье этого человека. За пару минут я проникся Боженой, стал одним целым с ней, *смысл* теперь был не только во мне, а в нас обоих, единственная проблема заключалась в том, что вне этой темноты Божена не знала меня. Я тогда её, кажется, и полюбил, по крайней мере, для себя решил, что именно тогда. И в это «полюбил» вложил всю свою короткую жизнь: «Моя милая Божена, как же я хочу увести тебя отсюда, умолять тебя по-есть, лежать с тобой рядом хотя бы этой ночью». Я так и сделал, освободил ей место рядом с собой, дал заснуть в полном спокойствии. Только вот сам я спать в ту ночь никак не мог, слишком много думал над этой встречей и над моим маленьким *смыслом*. Она обхватила меня ледяными ручонками, всё время как-то глубоко дышала в спину, как будто принюхивалась или привыкала, но до этих странностей мне не было уже и дела. Все мои мечты были о том, чтобы застыть вместе гипсовой фигурой в этом прекрасном моменте и никогда не жить порознь: «Спи во имя нашей цели. Спи спокойно, моя *Божена*».

А в блокноте с того момента я больше не рисовал, было не до того.

Воспоминания 1-14 января:

Просыпаться без неё стало уже традицией, неприятной традицией. Казалось, что я больше не жил по утрам и дням, по-настоящему жизнь настигала меня лишь ночью. Но стены диспансера были готовы лишить меня и ночей. Сначала она начала приходить не каждый день, потом я узнал от соседей по палате, что она заболела, что в другом отделении. Её отсутствие разрывало меня около трёх недель, я тогда уже хотел бить тревогу, даже ещё раз лишить себя жизни по собственной глупости, но в последний момент меня пощадили, это была, кажется, вторая неделя января. Если по моим догадкам всё действительно сходилось и вставало на свои места, то нужно было прощаться. Я не хотел, оттягивал этот момент как мог, но время текло быстро, как песок сквозь пальцы. И моё сердце застыло в ожидании либо победы, либо полного скулящего поражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.